

Упраздненные стихи

ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛОЙ ЦЕРКВИ

1. Смутное

- Во имя Отца, и Сына,
И Духа Святаго... - Силь
Эмали креста... Кончина
Как раз в этот миг... - Аминь.

Как странно порой бывает
И в жизни, и в смерти... Миг -
И все навек совпадает.
И так покоен твой лик.

- Во имя Отца, и Сына,
И Духа Святаго... - Стон.
Окраина. Украина.
И теснота похорон.

Горчайший солдатский порох...
Отчаянный вдовый крик...
Молчание, шепот, шорох...
И все это - тоже миг,

В котором, в пятидесятых
Годах, голубая Рось
Текла меж камней покатых,
Просвечиваемых насквозь.

1978

2. Наведение резкости

Под Белой Церковью, на белой,
На белой-белой простыне,
В дубовой роще помертвелой...
Зачем не вспомнил обо мне?

Ученья наши - не новинка,
А смерть - тем более, мой друг:
Солдатский подвиг - как пластинка
Заезженная... Хриплый звук.

Порой настолько искаженный, -
До белой боли на устах;
И мир, он слово прокаженный,
С трещоткой грубою в руках.

Пускай трещит своей не новой
Игрушкой, будто бы скорбя,
Под Белой Церковью, в дубовой
Тени, где больше нет тебя...

1978

Закат в степи

1

Не по белому свету - по черной тропе,
Не по отчому краю - по краю пустыни,
Где лишь идол ходил, - у него на стопе
Непонятная тварь, в чешуе, будто в тине.

Рядом, как истукан, одногорбый верблюд
Возвышается и, свысока, недвижимо,
Смотрит мимо меня, смотрит, как стерегут
Два орлана добычу и падают мимо.

Глинобитное небо потрескалось, свод
Пышет жаром, и в черных песках Приаралья,
Где лишь идол ходил, вечный стронций жует
Одногорбый верблюд и плюется, каналья.

2

(Тварь)

Насколько б ни был я жесток,
Но все от бедного созданья
Не отрещусь, избави, Бог,
И выровняй мое дыханье.

Какие б ни были черты
Ему присущи, не отъемлю
Творенья право, если Ты
Препроводил его на Землю.

Ползи, ползи, скачи, скачи
И извивайся среди извилин
Земли родимой, не молчи,
Коль я перед тобой повинен.

Мы все, наверно, так живем:
Ползем, и скачем, и роняем
В пески пустыни свой позем,
И больше ни о чем не знаем.

Мы все, наверно, так молчим
Пред жертвенным огнем заката...
И в страхе падаем пред ним,
И затихаем виновато.

1988

Воспоминание о Стамбуле

Стамбул как мертвый жемчуг, что вдали
Давно обронен кем-то и не поднят.
Как мусор на поверхности земли.
Но кто о нем из мусорщиков помнит?

Я вижу, пролетая, ржавый дрок
Босфора - он недвижим и недужен;
И мрамор истлевает, и песок,
И перламутр катящихся жемчужин.

Ау-у, когда-то праведный Царьград,
Глаза животворящей Византии,
Слеза, в которой небеса хранят
Нетленную жемчужину Софии.

1961-1981

Фуга

- Земная жизнь всего лишь форма смерти, -
Старик-байкалец говорил мне, он
Все фуги Баха, словно бы в концерте,
Играл на клавесине - так влюблен
Был в них, едва ль не до рожденья; дети
Его боготворили, ну а мне,
Как перепутавшему все на свете:

и жизнь, и смерть, и день, и ночь - и не
Стремящемуся вырваться из плена
Привычных правил, можно ли понять,
Что в смерти я, вдыхаю запах тлена,
А не сосны и что, минуя гать,
Там, вдалеке, проходит аист чинный,
Увы, не в жизни, как и сам закат,
В котором вереницей длинной-длинной
Куда-то птицы белые летят.
Вот только дети... фуги... да былинный
Байкал... И жизнь, и смерть... И рай, и ад...

Потом, через полгода, я умру.
Смерть будет зафиксирована... Всюду,
Где б ни был я теперь, я не забуду
Щемящей фуги бегство на ветру.

1972-1995